

12. Носов Н. Технологии виртуальной реальности. Состояние и тенденции развития / Н. Носов.- М.:ИТАР, 1999. – 160 с.
13. Орехов С. Поиск виртуальной реальности: Монография / С. Орехов. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. – 184 с.
14. Становление: бытие и небытие: коллективная монография / ред. Н.Рыбаков. – Уфа, 2001.
15. Ярская В. Время в эволюции культуры. Философские очерки / В.Ярская – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989. - 149 с.
16. Wallerstein I. The Inventions of TimeSpace Realities: Towards an Understanding of Our Historical Systems / I. Wallerstein // Geography. – 1988.
17. Wallerstein I. The Time Space of World-Systems Analysis: A Philosophical Essay / I. Wallerstein // Historical Geography. – 1993. - XXIII, V2. – p. 5-27.

Борисова Татьяна Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии Днепропетровской национальной металлургической академии Украины (НметаУ)

УДК 930 (1)

ОСОБЕННОСТИ ФИЛОСОФСКОЙ КУЛЬТУРЫ МЫШЛЕНИЯ В ПОНИМАНИИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Рассматривается философское измерение вопросов истории и культуры, реконструкции и интерпретации их в тесной взаимосвязи. Очерчивается круг проблемного поля метафизического, онтологического и ценностного измерения природы и сущности исторического времени и культурного пространства. Особой важности наделяются вопросы методологического осмысления истории, прослеживаются проблемные моменты в интерпретации отдельных категорий философии истории. Критически осмысливаются попытки интерпретации истории как естественной науки.

Ключевые слова: история, культура, личность, эсхатология, ответственность.

ОСОБЛИВОСТІ ФІЛОСОФСЬКОЇ КУЛЬТУРИ МИСЛЕННЯ В РОЗУМІННІ ІСТОРІЇ ТА КУЛЬТУРИ

Розглядається філософський вимір історії та культури, реконструкції та інтерпретації їх в тісному взаємозв'язку. Окреслюється коло проблемного поля метафізичного, онтологічного та ціннісного виміру природи та сутності історичного часу та культурного простору. Особливою важливістю наділяються питання методологічного осмислення історії, відслідковуються проблемні моменти у інтерпретації окремих категорій філософії історії. Критично осмислюються спроби інтерпретації історії як природознавчої науки.

Ключові слова: історія, культура, особистість, есхатологія, відповідальність.

FEATURES OF PHILOSOPHICAL CULTURE OF THINKING ARE IN UNDERSTANDING OF HISTORY AND CULTURE

The philosophical measuring of questions of history and culture, reconstructions and interpretations of them is examined in close intercommunication. The circle of the problem field of the metaphysical, ontological and valued measuring of nature and essence of historical time and cultural space is outlined. The questions of methodological comprehension of history are allotted the special importance, problem moments are traced in interpretation of separate categories of philosophy of history. The attempts of interpretation of history are critically comprehended as natural science.

Keywords: history, culture, personality, eschatology, responsibility.

Особенностью сегодняшнего этапа и актуального состояния развития системы образования, в частности гуманитарного массива знания об обществе, человеке и их истории заключается в доминировании принципов плюрализма идеологий и самого интегрального подхода. Именно этот подход провоцирует и подпитывает моду на междисциплинарный подход в котором реализуется процесс размывания границ познавательного поля для философии (философии истории, философии культуры и философии религии). В связи с таким положением дел возникает резонный вопрос: может ли в таком случае сам познавательный процесс истории, истории культуры и «историческое время» следуя своей внутренней логики выдвигать свои собственные цели, задачи, четко очерчивать пределы познаваемости событий и устанавливать их онтологический статус в контексте всей истории человеческой культуры? Думается нам, что ответ должен быть однозначно утвердительным.

Не секрет, что на сегодняшний день в диспутах философов и культурологов, историков и психологов о вопросах культуры и истории довольно сильно ощутима утрата метафизического измерения этой проблематики. Об актуальности данной темы свидетельствует тот факт, что историческое сознание все больше и больше следует за идеями глобализации в осмыслении даже онтогносеологических аспектов бытия мира и человека. Что уже говорить о попытках обсуждать вопросы культуры и истории. Вдумчивые умы находят ироничность этой ситуации в том, что культура как начало, которое стремилось противостоять силе времени через творчество – сегодня стала одним из ведущих стимуляторов и проводников на пути утраты духовных ориентиров. Такой подход способствует несколько искаженному пониманию и самой истории, истории культуры и ее духовно-исторической миссии. Важно осознать, что от верного понимания истории и исторического времени многое зависит. Легковесный подход к вопросам истории будет оплачен культурным развитием человечества дорогой ценой. Верная философская транскрипция смысла истории может послужить еще одним предохранителем в снятии с личности ответственности за духовную ситуацию в жизни своего «Я» и других людей. Снятие с человека чувства исторической ответственности за существование дарует некую особую иллюзию существования. В этой иллюзии устанавливаются особые принципы бытия. Среди них: утрата связи человеческого существования с Высшим Абсолютом (Богом), процессы секуляризации сознания постепенно сводятся к перерождению символов времени и культуры в пафосную культурную оболочку. В плеяде мыслителей, что основательно изучали и изучают проблему философского измерения истории и культуры, прежде всего, следует отметить Г. Чеснокова, Ю. Семенов, А. Ивина, А. Панарина, Е. Лооне, В. Суханцеву, К. Кислюка и другие.

Цель и задача стоящая перед нами в этом исследовании определяется актуальной необходимостью очертить философско-культурологические и культурно-исторические аспекты философского анализа истории. Сегодня проблема истории и культурного наследия в гуманитарном диспуте стала заложницей плюралистических философских артикуляций. Их аксиологическая и онтологическая тональность широкоформатная и не всегда безопасна для традиционных христианских мировоззренческих установок. Речь идет об ультра крайних идеологов ужаса и страха перед апокалипсическими временами и до яростных сторонников унификации разносортных культурных проектов сомнительной ценности. Такая разбалансировка в культурном пространстве истории не является особенностью только нашего времени. История человечества тому свидетель. В пользу этого свидетельствуют так же слова мудреца II века Игнатия Богоносца, что призывал к трезвости духа и духовному строю мыслей, делая это принципом бытия личности: «Вникай в обстоятельства времени. Ожидай Того, Кто выше времени». Если отталкиваться от такого понимания исторического времени, то следует признать, что христианство и вся христианская культура в истории выступает такой мировоззренческой системой, что уже сейчас предсказывает свой крах в рамках земной истории. Где сама история человечества будет увенчана в конце не Царством Христа, а царством Антихриста.

Возвращаясь к теме о методологическом подходе в изучении истории и всего исторического времени следует помнить, что сама культура по природе своей бинарная. Эта ее раздвоенность находит свое проявление во многих аспектах. Примером могут служить так же и подобные противостояния, иногда даже антагонистического характера как Я-они, они-мы, Бог-Ничто, Логос-Хаос, сакральное-профанное, субъективное-объективное, имманентное-трансцендентное и т.п. Так Ю. Чернявская отмечает в одной из своих работ, что подобная оппозиция, раздвоенность пронизывает культуру насквозь. Более того, пронизывая, таким образом, метафизическое тело культуры она (оппозиция, бинарность) вычленяет отдельные участки своего тотального владычества – разные для народов мира и культурно-исторических эпох.

Все эти проблемные моменты в исследовании культуры и истории позволяют нам выявить в предметном поле анализа круг основных вопросов-тем, раскрытие содержания которых позволяет выйти на рассмотрение следующих аспектов проблематики:

- культурное пространство (реконструкция или демонтаж);
- история в смысловом пространстве культуры;
- культурный смысл истории в свете эсхатологической картины мира;
- проблема личности в рамках культурных традиций;
- роль культурных образцов в вопросах преемственности традиций;
- духовная ответственность личности в культурно-исторической данности и перспективе бытия мира;
- культура как ключ к пониманию истории;
- динамика социокультурных процессов в исторической транскрипции.

Принято считать, что помыслить какую либо культурную ценность не возможно без привязки ее к ее же антагонисту. И это резонно, поскольку происходит сопоставление с идеалом, оценивается с позиции добра и зла, высокого и низкого, духовного и безнравственного. Многое раздваивается, когда речь заходит о человеческом факторе и о его культурно-бытийном пространстве. Философ В. Янкелевич в работе «Смерть» так прямо и говорит: решительно все раздваивается, когда речь идет о человеке. Возможно, именно поэтому и лелеет человечество идею преодоления этого разлада, стремиться к возврату «целого-ума – целомудрия». О проблеме расколотого сознания говорили и говорят многие, указывая на разобщение всего целостного, дробления сфер бытия. Целостное сознания – это грезы человеческой культуры. По содержательному комментарию этой проблемы у М. Дунаева – целостное сознание – целомудрие и «мудрость мира сего» – не соединимы. Потому этот вопрос извечно открыт для человека. Будет ли преодолен этот «разрыв»? Одна из известных и уже довольно устоявшихся в истории человеческой культуры попытка его преодоления – сохранение лучшего в культуре. Процесс отсеивания зерен от плевел, вдумчивой селекции доброго и дурного, что может, содержится в недрах нового, незнакомого, модного и прогрессивного с точки зрения современности уже, по мнению некоторых мыслителей, потерпел поражение еще в XX веке. Причин тому несколько. В этом ключе анализа следует вспомнить Н. Гоголя, который уже в конце своего творческого пути пришел к глубокому осознанию двойственной природы даже земной красоты. Она (красота земная), по его мнению, может и способствовать духовному возрастанию человека, а может и послужить гибелью для его духа. Выходит, что не все противоречия бытия могут и должны быть побеждены силой культурного творчества в истории. И дело тут не в историческом времени и его сущности, а в эсхатологической природе самой культуры и истории человечества.

Основным посылом на старте анализа этой темы может, выступит тезис в качестве определения, где философия истории будет пониматься как «борьба за истину во времени». Философия истории не только стремится отыскать истину, но и неким образом обладает критериями ее постижения.

Не секрет, что феномен исторического времени окружен тайнами, и философские науки не обладают необходимыми средствами исчерпывающего объяснения этого феномена. Вместе с

тем, это лишь разжигает интерес к этой теме среди мыслителей различных школ и направлений. Некоторые попытки в исследовании этой темы выдвигают этот вопрос в довольно неожиданной постановке. Примером тому могут служить размышления И. Берлина на тему «Естественная ли наука история?». Сам мыслитель отвечает на этот вопрос категорическим «нет», но такая форма постановки проблемы свидетельствует нам о том, что такие попытки вообще предпринимались. И это требует от гуманитарного подхода должной и жесткой реакции. И. Берлин условно повышает градус актуальности этого вопроса задаваясь вопросом: стоит ли истории стремиться в будущем стать естественной наукой? Поиски всех «за» и «против» тревожат мыслителя как проблема слабости и ограниченности познавательных способностей человека. В свой анализ этой темы английский мыслитель постепенно вовлекает суждения философов рационалистического толка – Аристотеля и Р. Декарта. Критически осмысливая не готовность некоторых современников принять факт того, что история не является естественной наукой философ отмечает: «Как бы то ни было, логика исторической мысли и действенность ее методов не стали центральной проблемой для ведущих логиков современности. Причины этого просты и понятны. Но все же удивительно, что философы посвящают большую часть своего времени размышлениям над такими науками, как математическая физика, о предмете которой лишь не многие из них имеют сколько-нибудь подробное представление, и совершенно игнорируют историю и прочие гуманитарные науки, с которыми они достаточно подробно знакомились, когда учились» [2; с. 70-71].

Обличая их критическим анализом, И. Берлин подытоживает свои размышления на эту тему следующими словами: «Надеяться на успех таких попыток не просто бесполезно, но абсурдно, ибо превратить историю в естественную науку – не идеальная цель, которая пока не достижима по человеческой слабости, а химера, порожденная непониманием самой природы естественных наук, или природы истории, или того и другого» [2; с. 121].

Не менее интересна эта проблема в контексте ее методологического измерения, а именно внимание категориальному аппарату в ней. Различные подходы и способы познания истории предполагают и появление новых понятий (или даже категорий) и замыслов относительно связи новых категорий с теми, что принято считать философски устоявшимися и традиционными. Эти понятия не просто способны возникать, но и осваиваясь занимают свое особое место в категориальном аппарате философии истории. Обогащение категориального массива и через комбинирование с традиционными понятиями должно пониматься как закономерный процесс в сфере познания. Одним из таких понятий уже может стать понятие «дух времени».

Не стоит спешить рассматривать это понятие, поверхностно считая его литературным эпитетом, что оттеняет пафосный окрас всей философии истории. Философско-аксиологические осмысления развития культуры не возможно без рассмотрения воплощенных качественных онтологических свойств самого исторического времени. В центре внимания такого анализа должен стоять, прежде всего, человек. Возможно, потому так привлекательна глубоковесна идея А. Гуревича об антропологическом смысле топологии времени. Конечно, А. Гуревич в философии культуры акцентирует внимание на человеке как на субъекте, а не объекте всей исторической канвы человеческого бытия. По его мнению человек не рождается с «чувством времени», его временные понятия всегда определены именно той социокультурной средой, к которой он принадлежит. Вследствие такого подхода на проблему перед исследователем будут открываться первичные онтологические сущности явлений культуры и истории.

В контексте актуальной ситуации в мире и в Украине относительно внимания к историческому прошлому и методов его осмысления и сохранения слова А. Гуревича о проблеме «территории историка» звучат убедительно верно. Так А. Гуревич размышляет: «Но это понятие - "территория историка" - я хотел бы рассмотреть под несколько иным углом зрения. Причина заключается прежде всего в том, что в историографии на протяжении последнего десятилетия отчетливо наметилась тенденция, которая не может не внушать

определенных сомнений и даже служит поводом для нового рассмотрения далеко не новых проблем исторического знания, исторической гносеологии. В трудах историков, принадлежащих к весьма различным направлениям, довольно настойчиво повторяется мысль о том, что это историк изобретает свой собственный предмет, это он создает исторический источник, и в конечном итоге исследование истории расценивается как ее создание, как ее "изобретение". Не показательно ли, что вышедшая несколько лет назад книга американского историка Нормана Кантора носит название "Изобретая средневековье". Кантор задается целью показать, что ведущие, на его взгляд, историки-медиевисты XX столетия избирали темы своих исследований и разрабатывали их, исходя прежде всего из своих личных склонностей и умственных предрасположений, исходя даже из собственного "бессознательного", с одной стороны, и повинувшись тому давлению, которое на них оказывает социально-психологическая среда и политическая ситуация – с другой» [3; с. 562-563].

Не секрет, что онтогносеологические и методологические сложности в области философской рефлексии истории и исторического времени лежат в плоскости понимания проблем имманентной и трансцендентной природы культуры. Такой подход убедительно отвергает желание некоторых деятелей конструировать ложные идеалы и принципы морали в осмыслении исторической перспективы человечества. Ясно и то, что не все противоречия бытия побеждаются силой «потока исторического времени». Все это наводит нас на мысль, что осмысление истории в философском ключе без категорий «человек» и «культура» не мыслимы нами в принципе.

Возможно, это покажется моментом масштабного расширения анализа, но вместе с тем это и углубит его. История должна так же осмысливаться и как опыт, что изначально дан в культурно-онтологической картине мира.

Следует отметить и такой важный момент как, тот, что заявка на анализ истории и культуры в статусе предмета философской рефлексии требует с нашей стороны и критической оговорки. В рассмотрении проблем исторического и культурного прошлого различных эпох сегодня довольно модно использовать метод моделирования. Это не удивительно и больше чем дань моде. Поскольку очень удобно рассматривать не сам объект в его реальности, а лишь особую систему взаимосвязей и параметров культурного и исторического пространства. В связи с таким положением дел возникает закономерные вопросы для философа-исследователя: имеет ли в таком случае сам философ права на интерпретацию? А в случае разногласия и полемики кто наделен исключительным правом выбирать между различными философскими интерпретациями (домыслами, допущениями, моделями)? Вопросы сложные, но актуальные во все времена. Так у А. Гуревича есть попытка ответить на них, когда он пишет следующее: «Когда говорят, что историк создает свой собственный предмет, то в этом есть определенный смысл. На мой взгляд, смысл этот заключается в том, что историк формулирует проблему своего исследования. Она, разумеется, диктуется логикой исторического знания, теми трудностями, с которыми оно столкнулось. Вместе с тем проблемы, которые ставит историк, прямо или косвенно связаны с потребностями современной культурной и идеологической жизни. Понятно поэтому, что проблема исследования действительно в огромной степени зависит от историка, высказывающегося как бы от имени того общества, той культуры, к которым он принадлежит. Мы не можем задавать прошлому вопросы, которые нас оставляют холодными, которые нас не интересуют. В основе всякого научного изыскания всегда лежит некий человеческий интерес. И поэтому естественно, что историк вопрошает прошлое от имени современности. Но это, разумеется, не значит, что он навязывает прошлому актуальные для его общества проблемы. Хотя они подсказаны ему современностью, в том числе и другими социальными науками, эти проблемы формулируются им, если это серьезный историк, не в той прямой форме, в какой они стоят перед ним ныне и здесь. Речь идет о том, что эти проблемы релевантные для его исторического изучения» [3; с. 564].

А. Гуревича не страшит и не пугает утрата объективности взгляда (даже идеализация объекта исследования) при реконструкции исторических событий, в этом видится

единственный путь исследователя этой тем культуры и истории: «Всякая историческая реконструкция, т. е. попытка восстановления прошлого, есть, по своей природе, несомненно историческая конструкция. Мы строим новую картину, которая в конечном итоге соответствует каким-то ожиданиям, общим умонастроениям, коренным мыслительным установкам нашей эпохи. Но мы строим этот мир прошлого, исходя из тех посланий и указаний, которые мы черпаем в источниках; и чем более внимательно мы в них вслушиваемся, всматриваемся, тем скорее мы можем заполнить конкретным содержанием эти общие модели, проецируемые нами на прошлое. Здесь "идеальный тип", "исследовательская утопия" непрерывно проверяется историческим материалом, модифицируется в одних случаях и отвергается и заменяется новыми исследовательскими моделями в других. Этот "идеальный тип" является совершенно необходимым инструментом познания для всякого мыслящего и ответственно работающего историка» [3; с. 598].

Особое место во всей структуре анализа истории, исторического времени и их культурологической значимости должно отводиться проблеме религиозного смысла времени. Главным и определяющим философским обоснованием в таком подходе будет служить идея об эсхатологической природе самой культуры и истории в целом. Чрезвычайно важным условием качественной философской оценки социально-исторической действительности является идеологическая направленность такой оценки. Философско-антропологическая направленность в определении смысла и сущности истории и культуры не являются случайными для мыслителей. Человек и человечество – это носители (субъекты) всего исторического процесса. Пересечение культурных проектов в особом метафизической плоскости и конструируют на каждом отдельном историческом этапе то, что принято называть «историческим пространством». Потому уже сам анализ истории характеризуется сочетанием в себе универсальности и мировоззренческой значимости. Однако это тема для отдельного разговора.

Все эти размышления открывают нам горизонт иных проблемных точек в исследовании культуры и истории. Среди них особое место может занять вопрос «элитарности культуры» и ее исторической значимости. Возможно, удастся найти основания для постановки одного из интересных вопросов современности: элитарность культуры – это признак кризиса культуры или очередная степень духовного возрастания в истории человеческой мысли?

В культурном пространстве личности человека всегда есть прошлое время бытия, но оно не исчезает, а преобразуется. Проблема оглядывания в историю – это вопрос о временных границах бытия и культуры. Некоторые риторические вопросы так и остаются без ответа: всегда ли забыть историю – это думать о будущем? Всегда ли конструирование будущего – это оглядывание в историю прошедшего? Эти и другие вопросы расширяют предметное поле философского измерения культуры и истории и представляют интерес для дальнейших наших исследований на эту тему.

Подытоживая все наш анализ отметим ряд важных выводов:

1. Процесс анализа вопроса кризиса культуры должен быть осмыслен как момент «преодоления»

2. самого кризиса, а не «оформление» его в новые условия культурно-исторической ситуации развития современного общества.

3. Историческое время способно вносить в культурное пространство новый принцип духовного бытия человека и общества, так же историческое время может и должно постулироваться как онтологическое основание культурного бытия.

4. Вопросы методологического измерения истории в философии должны пониматься не только как проблема техники раскрытия смыслов, поскольку богатство исходного историко-философского материала определяется тем, как мыслителем были обозначены метафизический контекст и символическое измерение исследуемых исторических событий и культурных феноменов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аскольдов С. Время и его религиозный смысл/ С.Аскольдов // Вопросы философии и психологии. – М., 1913 . Год XXIV, Кн. 117 (II). – С. 137 -173.
2. Берлин И. Философия свободы. Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 448 с.
3. Гуревич А. Я. История – нескончаемый спор. М.: Российский.гос. гуманитар. ун-т, 2005. – 889 с.
4. Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII-XX веках. Монография. — М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003. — 539 с.
5. Спекторский Е. Христианство и культура. – М.: Центр стратегической конъюнктуры. 2013. – 360 с.
6. Чернявская Ю. Трикстер, или путешествие в Хаос. / Ю.Чернявская // Человек №3, 2004. – С. 37 -52.
7. Янкелевич В. Смерть.– М.: издательство Литературного института, 1999. – 448 с.

Гансова Емма Августівна – доктор філософських наук, професор кафедри філософії, соціології та менеджменту соціокультурної діяльності Державного закладу «Південноукраїнського національного педагогічного університету ім. К. Д. Ушинського»

Онищук Віталій Михайлович – доктор соціальних наук, професор, завідувач кафедри соціології ІСН ОНУ ім.І.І.Мечникова

ЗНАЧЕННЯ УКРАЇНСЬКОЇ КЛАСИЧНОЇ СОЦІОЛОГІЧНОЇ СПАДЩИНИ ДЛЯ РОЗУМІННЯ ПРОЦЕСУ НАЦІОНАЛЬНОЇ ІДЕНТИФІКАЦІЇ В СУЧАСНОМУ УКРАЇНСЬКОМУ СУСПІЛЬСТВІ

В творах українських соціологів 19-го початку 20-го століть ми знаходимо ідеї стосовно національної диференціації та інтеграції, спираючись на які на теоретичному та емпіричному рівнях важливо простежити динаміку національно-ідентифікаційного процесу. Розглянуті нами теоретичні положення дозволяють сформулювати дослідницькі завдання та гіпотези для конкретно-соціологічних досліджень.

Ключові слова: нація, ідентифікація, цінності

ЗНАЧЕНИЕ УКРАИНСКОГО КЛАССИЧЕСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ПРОЦЕССОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В произведениях украинских социологов 19-го начала 20-го веков мы находим идеи относительно национальной интеграции и дифференциации, опираясь на которые как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях важно проследить динамику национально-идентификационного процесса. Рассмотренные нами теоретические положения позволяют сформулировать исследовательские задания и гипотезы для конкретно-социологических исследований, а также обобщить, проанализировать, интерпретировать их результаты.

Ключевые слова: нация, идентификация, ценности

IMPORTANCE OF UKRAINIAN CLASSIC SOCIAL HERITAGE FOR UNDERSTANDING THE PROCESSES OF THE NATIONAL IDENTITY IN THE MODERN UKRAINIAN SOCIETY

We find ideas of national integration and differentiation in the works of Ukrainian classical sociologists of 19 -20 centuries. They permit to watch dynamics of the national